

ского социализма взяты под арест, чтобы при малейших признаках дальнейшей пролетарской оппозиции быть расстрелянными.

Держание на привязи недовольного пролетариата — такова та возвышенная цель, которая теперь в России должна освящать нечестивые средства массовых убийств. Но экономического развала эти средства не превратят в экономическое процветание.

Л. Штернберг

ИНОРОДЦЫ *

Термин *и н о р о д е ц* понимается на языке правительства и националистической прессы в двояком смысле — политическом и технико-юридическом. В политическом и главнейшем значении этого слова основным признаком инородчества является язык. *Только население, говорящее на великорусском наречии, имеет привилегию на звание русского народа. Ни раса, ни даже религия, ни политическая лояльность не играют существенной роли.* Поляки, будучи славянской крови, говоря на славянском диалекте, все же считаются инородцами. Грузины, хотя и православные, все же остаются инородцами. Даже украинцы, родные братья по крови с великороссами, такие же православные, как последние, но имеющие дерзость говорить на собственном малорусском наречии, хотя и столь близком великорусскому, не перестают во многих отношениях считаться на положении инородцев. Остзейские немцы, славящиеся своей лояльностью, остаются такими же инородцами, как "бунтовщики" поляки. Но русские сектанты, даже самые яростные враги православия, даже самые подозрительные в глазах правительства по своим социальным учениям, но сохранившие великорусский говор, остаются неизменно в списках настоящего русского народа. И всем хорошо известно, что за этой классификацией кроется

Примечание. В основу этого очерка легли, помимо литературного материала, сведения, добытые путем бесед и переписки с представителями различных народностей, затрагиваемых в этой статье. Всем этим лицам автор приносит свою искреннюю признательность.

* Статья из сборника "Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия". Редактор А.Н. Костелянский, С.-Петербург, издание товарищества "Общественная польза", 1910, стр. 531-574. (Статья публикуется с сокращениями.)

серьезная политическая сущность, целый комплекс политических отношений огромной важности.

Но официально термин этот имеет еще и другое, более узкое и не менее странное значение.

В технико-юридическом смысле под инородцами подразумевается целый ряд не-славянских племен, которые в законодательном отношении поставлены в особое положение, каковы:

- 1) сибирские туземные племена;
- 2) самоеды;
- 3) калмыки Астраханской и Ставропольской губернии (но почему-то не Донской области);
- 4) киргизы;
- 5) горцы Кавказа;
- 6) туземцы Туркестана;
- 7) ордынцы Закаспийской области и, наконец,
- 8) евреи!

Уже простой перечень категорий инородцев, среди которых наряду с самоедами фигурируют и евреи, и в то же время отсутствуют татары, чуваша, вотяки, башкиры, цыгане, зыряне, показывает, что о какой-либо хотя бы практической пригодности этой классификации речи быть не может, и свидетельствует лишь о той бесцеремонности, с какой наши бывшие сочинители законов творили свои quasi кодификационные обобщения.

Для нашей задачи — обзора национального пробуждения инородческих племен — ни первое, ни тем менее второе толкование термина "инородец" не может найти применения. *Мы не можем классифицировать народы России по языкам, потому что сам по себе язык, к какой бы лингвистической группе он ни принадлежал, нисколько не характеризует ни уровня культуры, ни степени национального сознания его носителя.*

Для нашей задачи — характеристика национального движения — термин "инородцы" может иметь только одно толкование, именно то, которое ему придается в *этнографическом* понимании слова, т.е. группы народов, либо совсем чуждых, либо только в очень незначительной степени приобщившихся к европейской культуре. Поэтому ни расовый элемент, ни язык, ни даже религия не играют решающей роли. Поэтому, например, в эту категорию войдут поволжские финны, вроде мордвы, вотя-

ков, но не войдут финны западные, как эсты и финны Финляндии, вполне или в значительной степени приобщившиеся к европейской культуре. Тут встретятся такие народности, как бродячие чукчи, едва вышедшие из культуры каменного века, и такие, как татары, исповедующие мировую религию и обладающие письменностью, равно как и народы Туркестана, создавшие высокую культуру и государственность, но имеющие все один общий признак — неприобщенность ни путем своего собственного языка и литературы, ни путем языка другого народа к европейскому просвещению.

Здесь войдут из народов европейской России татары, волжские и крымские, и их приуральские соплеменники — башкиры, мещеряки, тептяри, — группа, достигающая в своей численности 4,5 миллиона. К ним в Сибири примыкают их единоверцы и соплеменники, татары разных наименований — около 350.000; тюрки Средней Азии, из которых на первом плане стоят киргиз-кайсаки, свыше 4 млн., далее кара-киргизы, кара-калпаки, туркмены, узбеки и проч. кочевники — всего около 1,5 млн., далее культурные сарты (1 млн.) и таджики (400.000), — группа народов, различных по культуре и национальной индивидуальности, но объединенных могучим цементом единой религии, насчитывающих в общей сложности 12 млн. и имеющих за собой симпатии многочисленных кавказских мусульман.

За этой многомиллионной группой мусульманских народов следуют поволжские православные финны — мордва (1.200.000), черемисы — (430.000), вотяки и пермяки (около 600.000), зыряне (175.000) — народы, значительно ассимилировавшиеся в культурном и религиозном отношении с русским населением, но достаточно сохранившие свои национально-индивидуальные черты, чтобы при благоприятных условиях выступить на путь национального возрождения; по крайней мере, об этом можно судить по той значительной энергии, которую они проявили в освободительном движении. К этой группе географически и культурно примыкает компактный и крепкий тюркский народ — чуваша, численностью до 1 млн., народ, близкий к татарам по языку, но в будущем скорее естественный союзник поволжских финнов, чем татар.

Еще один маленький народ (свыше 200.000 чел.) в Европейской России представляет интерес в национальном отношении: это калмыки большей своей частью скопившиеся в Астраханской губернии, мало проявившие себя в освободительном движении, но имеющие все данные для национального самоопределения. По расе, языку и религии, отчасти социальному строю и культуре, им родственно маленькое племя бурят (330 тыс.), расселившееся в степях Забайкалья и в Иркутской губ., племя, которое по яркости своей национальной индивидуальности, по энергии своих политических проявлений должно быть поставлено в первом ряду рассматриваемых нами народов. Наконец, еще далее к северо-востоку разбросалось маленькое якутское племя (260.000), огромная национальная энергия которого, возторжествовав над неблагоприятными условиями климата и географического положения, над всеми попытками русификации, заслуживает внимания и интереса.

В самом дальнем углу Забайкалья затерялось несколько полуседлых родов тунгусов, давно отколовшихся от других ветвей своего племени, наполовину обрусевших, наполовину обурятившихся. Еще несколько лет, и от этого маленького народа едва бы сохранилось его историческое название. Вопреки всем ожиданиям, в период освободительного движения они внезапно выступили на сцену впереди других местных инородцев.

В 1904 г. они наиболее стойко сопротивлялись введению института крестьянских начальников, упорно отказываясь выбирать должностных лиц, и вызвали против себя целый ряд репрессий, а после манифеста 17 октября они одни на собственный страх и риск стали отбирать у кабинета отрезанные у них земли... Их лидером и любимым оратором на митингах был пылкий "народник", говоривший им о самоопределении, автономии и возрождении. На сугланах снова раздалась тунгусская речь...

То, что произошло в психологии крошечного обломка тунгусского народа, как в капле воды отражает то, что происходило в то время в самых различных формах и в различной степени среди инородцев по всему протяжению великой Империи от полярных равнин Якутской земли, степей Монголии, Прибайкалья и Средней Азии, до дикой Башкирии, забитой Биармии, в глухих деревнях поволжских татар, среди стойкой Морд-

вы, в самых глухих ущельях Кавказа, на выжженных солнцем степях Крыма. Зашевелились даже всеми забытые зыряне.

Что вызвало этот взрыв, мы знаем: это великий лозунг свободы, громким эхом отозвавшийся во всех углах огромной империи. Но прежде чем этот великий лозунг был произнесен, произошло событие, одинаково подготовившее и эру свободы, и взрыв национального пробуждения — это японская война. Беспримерные поражения русской армии и флота ни на кого не произвели такого потрясающего впечатления, как на инородцев. Каждое из инородческих племен испытало на себе в той или другой степени мощь русского оружия. Каждое из них знало десятки героических и стойких попыток протеста, и все они кончились безнадежным и беспощадным поражением. Давно уже забыто было рыцарство, сменившееся покорным смирением перед непобедимым колоссом всемогущего и бесчисленного победителя. Никто так не идеализировал военной мощи России, как инородцы. В то же время никто так остро и ежечасно не чувствовал всей тяжести гнета и произвола, как инородцы, для которых самое маленькое начальство являлось богом и царем. Сами представители власти порой недостаточно учитывали этот безотчетный страх инородца перед силой России. Неоднократно и без нужды они устраивали запугивающие, иногда и кровавые демонстрации, чтобы внушить страх и без того энергированному народу.

За год до японской войны проездом в Японию военный министр Куропаткин, бывший тогда в зените своей славы и силы, во время смотра войск в Чите вызвал к себе представителей бурятского народа, волновавшегося в то время по случаю готовившихся нововведений в области землевладения и самоуправления, и, грозясь кулаком, клялся перепуганным насмерть инородцам, что "за малейшее послушание" буряты будут стерты с лица земли, не останется ни следа, ни пылинки!

"Вот видите, — кричал он, — идут войска, Россия может привести еще сотни тысяч таких... Так могущественна она!"¹

Его угроза была совершенно напрасна; буряты и раньше не сомневались в полном своем бессилии и тщетности борьбы. Че-

рез год этот грозный генерал стал получать поражение за поражением от маленького монгольского народа, вызывавшего до тех пор одни лишь насмешки со стороны даже русских простолюдинов.

Поражения русских принимались суеверными инородцами, как кара Божия² за нанесенные им беды, а мощное возрождение маленькой Японии казалось символом их собственного национального возрождения. Инстинктивно чувствовалось ими, что за неудачной войной, вконец дискредитировавшей старые порядки, должна наступить новая эра новых отношений к власти. События оправдали эти предчувствия.

Словно колоссальная тяжесть свалилась с плеч, и как во сне едва верилось инородцу, что это реальная действительность. И то, что в последовавший период бури и натиска, всеобщего энтузиазма и борьбы, пришлось пережить всей России, быть может еще в более интенсивной степени было пережито сугубо теперешним инородцем. Замечательный факт: в этот бурный момент не раздалось ни одного сепаратистского голоса, все народы были охвачены одним чувством, все жаждали только свободы, все жаждали национального самоопределения!

Но за эмоциями момента должны были скрываться важные реальные интересы, запросы, потребности, традиции, словом, весь тот сложный комплекс элементов и условий, из которых складывается национальная индивидуальность, национальное самосознание. Весьма неодинаковы были как по форме, так и по содержанию, эти элементы у каждой из рассматриваемых нами народностей, и неодинаково поэтому каждая из них реагировала в период национального порыва. На первом плане выступает в этом отношении географическое положение тех или других народностей. Одни из них, как татары, мордва, вотяки, чуваша, башкиры, ставропольские и донские калмыки, зыряне, черемисы, некогда занимавшие обособленные территории на окраине страны, с давних пор уже оказались инкорпорированными, окруженными мощными пластами господствующего племени. Ни одна из этих народностей не обладает в настоящее время единой непрерывной территорией. Самые счастливые из них в этом отношении (чуваша, например) сохранились в виде больших или меньших островов, разделенных боль-

шими проливами русского населения. В других местах последнее врезалось многорукавными потоками, образуя амальгаму чередующихся русских и инородческих поселений. Потеряв свою территориальную индивидуальность, эти народности потеряли свои индивидуальные черты в насущнейших сторонах своего социального быта. Очутившись в близком соседстве с российской государственностью, они неизбежно уравнились с русским населением в административном и хозяйственном отношениях. Некоторые из этих народностей, как мордва, вотяки, чуваша получили от этой государственности и русскую религию.

Правда, у всех этих народностей сохранился язык, сохранились многие исконные обычаи, а у некоторых в полной силе сохранилась и национальная религия, как у татар, у калмыков ставропольских и донских (роль этих элементов мы увидим впоследствии), но наиболее насущные интересы этих народностей (по крайней мере, среди наиболее многочисленной части их — крестьянского, земледельческого населения) не представляли собою ничего индивидуального, ничего резко отличающегося от интересов и прав общего населения. При таких условиях в период революции политические требования и политические выступления этих народностей в общем естественно шли в одном направлении с общерусскими. Оратор на митингах у мордвы или чувашей говорил те же речи, что и в соседнем русском селении, только в одном селении он говорил по-русски, в другом — по-мордовски, и так как аграрный и правовой вопросы были самыми жгучими, то об обособленной национальной платформе, а тем более об обособленном выступлении и речи быть не могло. Вот почему, несмотря на выдающееся участие мордвы и чувашей в освободительном движении, их протесты терялись в общем аккорде российского Поволжья.³

Совершенно в другом положении оказались народности *окраинные*, далекие от центра, обладавшие сплошной территорией, и земельные права и самоуправление которых исторически сложились отлично от русского населения. Здесь национальное самосознание покоилось на широкой, совершенно специфической — экономической и правовой — базе. Таково положение 4-миллионного народа к и р г з - скотоводов, беспредельно доминировавших на своей необъятной степи, с их кочевым хозяйством, с их родо-общинной территорией, своей верой, своими

обычаями, и хотя и урезанным, но все же своим самоуправлением. В таком же положении калмыки и Калмыцкой степи, хоть и в значительной степени утратившие свое старинное самоуправление, но сохранившие свою территорию и с ней все исконные особенности своего земельного и хозяйственного строя, свои вековые обычаи и религию. В таком же положении — забайкальские буряты, удержавшие до самого последнего времени свою исконную территорию на границе Монголии и сохранившие свое широкое самоуправление по закону Сперанского; типичные скотоводы, для которых неприкосновенность их земельного фонда и форм землевладения составляет основной нерв их существования. Сюда же должны быть причислены якуты, фактические хозяева единой огромной территории, сохранившие остатки своего родового самоуправления, язык и обычаи.

Всем этим народам грозят две опасности: полная потеря последних остатков самоуправления, отданного всецело под опеку чиновничества, и самая грозная опасность — потеря исконных земельных владений и, как неизбежное последствие, разрушение хозяйственного строя и разорение.

С самого момента присоединения к России сибирских инородцев закрепленные за ними указами и манифестами земли, несмотря на все запреты центрального правительства, подвергались, при содействии местных властей, систематическим захватам со стороны пришлого элемента; но за последнее время само центральное правительство, в видах вящей русификации инородцев и в интересах будущей русской колонизации, вступило на путь планомерного урезывания угодий инородцев. Признав территории их казенными оброчными статьями, правительство вступило уже в киргизской и бурятской степях к так называемым землеустроительным работам, которые, в сущности, сводятся к отмежеванию миллионов десятин инородческих земель!

Как в настоящий момент обстоит дело с аграрным вопросом у кочевников, лучше всего свидетельствует речь, произнесенная начальником переселенческого управления г. Глинкой в государственной думе, сказавшим буквально следующее (цитир. по отчету газ. "Речь" от 12 марта 1909 г.):

"Прежде всего, у киргиз нет права собственности на землю, которую они занимают. Земля эта казенная и лишь оставлена в пользование киргиз. ..."

Трагедия, создаваемая этой новой политикой, тем ужаснее, что инородцы сами терпят от малоземелья, что кочевья их в общем совершенно не пригодны к земледелию, к которому они по собственной инициативе и сами бы перешли, если бы к этому была действительная возможность. В действительности и киргизы, и буряты, и калмыки, где только возможно, занимаются и сенокосением и полеводством, буряты прибегают даже к искусственному орошению; но в целом их территория для земледелия не пригодна.

Башкиры, например, уже успели пасть под тяжестью этого несчастья, и тяжесть оказалась столь подавляющей, что в течение трех десятков лет после этого удара они потеряли уже всякое мужество, всякую способность к сопротивлению и приспособлению к новым формам быта; народ, история которого в течение веков была сплошной поэмой рыцарской борьбы, теперь совершенно потерял национальный облик, и в лучшем случае, если судьба спасет его от окончательного вымирания, ему предстоит совершенно потонуть в общетатарском течении.

Такой же базой национального единства служит общая, всем одинаково доступная земля у киргиз, у бурят, у якутов, у минусинских инородцев. Но в особом положении очутились ко времени освободительного движения первые два народа. На них всей тяжестью обрушилась колонизационная политика новейшего периода. Еще с 1901 г. над головой бурят висит дамоклов меч куломзинского закона о душевой нарезке земли с конфискацией всей остальной в пользу будущих переселенцев. Бурятам в утешение предоставлено перейти к земледелию, для которого их родная степь абсолютно не пригодна. То же с киргизами, у которых землеустроители "отмежевывают" не только земли, но даже и водные источники, без которых существование в степи невозможно.

Если у таких народностей, как киргизы и буряты, решающими в национальном вопросе являются аграрные отношения, то для других ту же роль играет вопрос религиозный. Даже для таких народностей, как мордва, вотяки,

ч у в а ш и, громадная масса которых присоединилась к православию, религиозный вопрос тесно переплетается с национальным. Прежде всего, довольно значительная часть только механически присоединена к православию, она остро чувствует экономический гнет духовенства, и при первом удобном случае готова освободиться от навязанной религии, ибо старая вера для них прежде всего вера их предков, вера их собственного народа.⁴

Вот некоторые данные о поволжских инородцах, принадлежащие наблюдателю, которого менее всего можно заподозрить в пристрастии.

”Из 110.000 старо-крещеных татар не менее 40.000 отступников ... Из 400.000 вотяков — язычников около 17.000, мусульман около 3.000, остальные христиане, но по верованиям и образу жизни многие из этих христиан мало отличаются от язычников... Из 350.000 черемис — одна часть коснеет в язычестве, другая отпадает в ислам, третья ”склоняется” (sic!) к православию. Мордва ... очень благочестива (Темниковский и Спасский уезды Тамбовской губернии), с усердием посещает церковь, но в то же время усердно приносит языческие жертвы. В других местах языческие моления отмечены у мордвы, крещеной 200 лет тому назад. Аналогичные явления у чувашей”.⁵

”Первый видимый результат освободительного движения, — жалуется священник Вятской губернии, — что из церкви бегут на старые моления”.⁶

”1.000 семейств в Яранском уезде подали в феврале 1908 г. прошение губернатору о возвращении в ’доаврамовскую’ веру”.⁷

Такое же явление отмечено у бурят Иркутской губернии, где десять тысяч крещеных возбудили ходатайство о переходе в язычество. Нечего говорить о вечном страхе, в котором жили оставшиеся формально в язычестве и в благовесте свободы увидевшие начало освобождения от миссионеров. Но даже и окреп-

шие в христианстве элементы имели достаточно оснований жаловаться на национальное угнетение в религиозной области. В этом деле жалобы различных народностей одни и те же. С тупым упорством консистории, на зло просьбам прихожан, назначали зачастую в инородческие селения священников русских и, наоборот, в русские селения священников из инородцев, и часто инородцы отказываются посещать церковь в своем селении, предпочитая предпринимать далекие путешествия за несколько верст в русские селения, где служит священник-инородец.

Гораздо большую роль в национальном отношении играет религия у народов мусульманских, особенно у тех из них, которые живут вперемежку с русским населением и по отношению к которым миссионерство действует наиболее агрессивно, именно, у поволжских татар. У мусульман религия проникает во все поры национальной жизни, начиная с обрядового костюма и кончая высшими проявлениями духовной культуры, моралью, школой, письменностью, наукой, социальной солидарностью. Можно различно относиться к тому, что называется мусульманским фанатизмом, но нельзя отрицать, что то, чем каждый член народа дорожит больше, чем своей жизнью, составляет могучий цемент национальной солидарности и объединения. Можно критически относиться к ценностям мусульманской образованности, но нельзя отрицать, что то, что дает она в духовном отношении мусульманским массам, ставит их в умственном отношении несравненно выше окружающего русского населения. Громадная сеть мектебе и медресе, созданная частной инициативой, столь резко выделяющаяся на фоне школьного убожества русского населения, дает миллионам татарского населения не только грамоту, но и значительную духовную пищу. Как относятся татары к своей конфессиональной школе, достаточно свидетельствует тот факт, что в Казанской губернии среди русского населения один учащийся приходится на 14 человек мужского населения и одна учащаяся на 55 человек женского; у магометан же один учащийся на 9 мусульман и одна учащаяся на 12 мусульманок.⁸

”Ислам, — говорит один образованный татарин, — связан с нашей национальностью. Если ислам не религия, то это прекрасная философия наших предков. Если Магомет не был пророком, то он был философом ... Верующих же

мусульман никогда нельзя будет обратить в христианство, потому что они имеют прекрасную религию, которая не хуже христианства".⁹

Мусульманство является источником целого ряда политических ограничений, начиная с процентной нормы в школах и самоуправлении и кончая государственной службой. Далее, следует опека над внутренним строем церковной жизни, доходящая до анекдотических эксцессов вроде того, что петербургским муллой был назначен в свое время безграмотный извозчик. Наконец, источником вечного национального раздражения является агрессивная деятельность миссионеров, вызывающая необходимость в постоянных мерах самообороны и самодеятельности, в конечном итоге только укрепляющих и углубляющих чувство религиозно-национального самосознания.

Как действуют посягательства миссионеров на распространение влияния ислама, видно особенно ярко на киргизах.

"Пока не было миссионеров в киргизской степи, — рассказывает один мусульманин, — киргизы не знали мусульманства и не учили ему своих детей за исключением немногих богачей, которые нанимали учителей-татар. Когда же явились миссионеры и стали бранить ислам, когда киргизы подумали, что правительство хочет их обратить в христианство, все, даже самые бедные, стали обучать детей мусульманской грамоте, нанимая учителями на лето татар-учеников медресе. Тогда полиция стала запрещать татарам-муллам и ученикам ездить к киргизам. Но они стали ездить туда под видом торговцев, и киргизы стали еще усерднее отатариваться. Мусульманские миссионеры в 50 лет не могли бы так отатарить киргиз, как это сделали русские миссионеры за 15-20 лет".¹⁰

Теперь будет понятно, каким образом с такой поразительной легкостью мог образоваться в освободительный период замечательный Мусульманский союз, объединивший народы самых различных частей России, начиная с арийцев Туркестана, продолжая киргизами, башкирами, татарами (поволжскими и крымскими) и кончая мусульманскими народами Кавказа...

Крупную роль национального цемента играет религия и у народов ламаистской веры, у бурят, у калмыков. Введенный сравнительно недавно — два века тому назад — и, что всего страннее, не без содействия русского правительства, ламаизм сросся неразрывно со всем комплексом народной жизни, став ее духовным фокусом. Как татары исламу, так и монгольские народы ламаизму обязаны всем, что у них есть хорошего, — своей моральной и умственной культурой. И вечная опасность потери своего религиозного достояния, постоянная необходимость самообороны не могли, понятно, не содействовать национальному цементированию и самосознанию.

Другой важный элемент народной индивидуальности — язык.

Это один из тех национальных элементов, который труднее всего поддается внешнему давлению и обыкновенно утрачивается позже других. Он способен устоять даже тогда, когда носитель его через посредство другого, более развитого языка, общился уже к другой, более высокой культуре. Русский язык естественно все более и более проникает в инородческую среду, но вытеснить родные языки даже среди наиболее обрусевших элементов он оказался не в состоянии. В православных мордовских селениях, по виду совершенно обрусевших, рядом с русским в полной силе сохранился мордовский язык. Но большая часть инородцев сохранила полное *одноязычие*. Чуваши, например, во многих местах настолько чужды русского языка, что в городах купцы вынуждены держать особых приказчиков для объяснений с приезжающими в базарные дни чувашами. Нечего говорить о более изолированных от русского влияния калмыках, киргизах, среднеазиатцах, бурятах, якутах.¹¹

И понятно, что не одной только эмоциональной стороной ограничивается привязанность инородцев к родному языку. С ним в той или другой степени связаны высокоценные культурные завоевания. У мусульманских народов на живом народном языке есть громадная литература мусульманской образованности, которая накопилась в течение 2-х веков усиленной деятельности интеллигенции и духовенства, и на которой воспитались целые поколения; и с каждым днем литература все более приближается к жизни, становясь проводником и европейской образованности в народные массы.¹²

То же можно сказать и о бурятском и калмыцком языках, впитавших в себя, благодаря ламаистским школам и переводной литературе, все утонченности буддийской философии и индусской образованности. Приспособить такой язык для преподавания на нем всех сокровищ европейской культуры — дело одного поколения.

Но не одними лишь народами мусульманской и буддийской культуры осознана важность сохранения и развития родного языка и письменности. Сознание это проникло и к таким малокультурным племенам, как чувашаи, якуты, вотяки, мордва и т.д. И у этих народностей начинает развиваться родная письменность. Инициаторами ее часто являлись миссионеры, которые в целях пропаганды переводили на инородческие языки священные книги. Долгое время эти переводы оставались мертвыми для народа, но исподволь одиночки-интеллигенты, выходящие из недр народа, успели оценить эти несовершенные опыты и, несмотря на все преграды, сумели извлечь из них пользу для просвещения народа. Периодическая книга стала попадать в церковь, в школу, в избы поселян. В период освободительного подъема на этих младенческих языках не только заговорили о самых серьезных предметах, но дерзнули печатать газеты, брошюры, сочинять учебники.

От бесправия языка инородцы терпели если не так же остро, то столь же сильно, как и более культурные народы России. Прежде всего, это бесправие особенно тяжело сказывалось в области народного суда и управления. Уже не говоря о том, что бесправие местных языков в этих областях является оскорблением национального самолюбия и официальным признанием приниженности данной народности в глазах русского населения, порядок этот фактически лишает население всякой судебной и административной защиты. На месте судьи и закона становится пресловутый писарь, профессиональный переводчик! Какое поле для вымогательства, бессудности, произвола! Это испытали особенно остро такие народности, как буряты, калмыки, еще очень недавно имевшие собственное управление и суд. Достаточно видеть беспомощного инородца, выслушивающего резолюцию крестьянского начальника или получающего копию решения на непонятном ему языке, чтобы понять и обиду, и злобу, загорающиеся в его душе.

В школьной области бесправие языка испытывалось одинаково всеми народностями, притом в двух направлениях. Родной язык либо совершенно запрещается преподавать, например, у мордвы, вотяков, чувашей, черемисов, либо его преподавание ограничивается ничтожным количеством времени, ему посвящаемого, как у калмыков и бурят. С другой стороны, языком преподавания в начальной школе был обязательно русский. Эта директива проводилась с такой последовательностью, что, например, бурят и калмыков не принимали в учительские семинарии, содержащиеся зачастую на инородческие деньги. И если случайно инородцу удастся добиться звания учителя, то его нарочито назначают в русские школы. Только татары и чувашаи (по счастливому исключению, благодаря авторитету известного ученого миссионера Н.И. Ильминского) имели свою учительскую семинарию, но языком преподавания был и тут русский.

Наконец, последняя и немаловажная область бесправия языка — это область печати. Конечно, не все инородцы одинаково остро чувствовали это лишение, но такие народности, как татары и буряты, доросшие до потребности в органах печати и вообще в печатных произведениях, испытали его в полной мере. Буряты до 1905 г. имели только одну газету, и то официозную, исключительно для пропаганды православия и благонамеренности, в то время как даже богослужebные книги печатались тайком в дачанах. В Казани до последних лет ни одна татарская газета не разрешалась, и светская интеллигенция была лишена какой бы то ни было возможности утилизировать свои знания на пользу народа.

Для превращения народа в национальный коллектив, сознающий себя таковым, недостаточно, конечно, одной личности тех или других обычных элементов народного бытия, как территория, язык, вера, сходство обычаев и образа жизни и т.д. Это все сырые материалы, требующие особой огненной спайки в горниле общего организованного сотрудничества, общей борьбы за самосохранение, общих исторических действий или, по крайней мере, общих исторических эмоций — как результата совместной борьбы или переживаний; необходимы, кроме того, благоприятные условия, чтобы такие эмоции не те-

ряли своей живости и яркости в памяти народа. Но эти эмоции, это сотрудничество могут ослабнуть. Бывает и так, что эти факторы и не возникали и не достигали той интенсивности, при которой аморфный народный организм превратился бы в самосознающееся единое целое. Таким образом, мы видим народности, национально угасшие, и народности, никогда не достигавшие национального самосознания и существования.

Как для возрождения национальности, так и для рождения ее необходимы еще могучие внешние стимулы, необходим момент или повторяющийся ряд моментов высокого эмоционального общения. Для агрегата народности необходим внешний толчок, чтобы побудить разрозненные, неспянные элементы к общему действию, к общей борьбе, к эмоциям национального сознания, которые, будучи повторяемы, превратившись в традицию, становятся обычным психическим признаком данного этнического коллектива. Киргизы, по свидетельству В.В. Радлова, изучавшего их лет 35 назад, несмотря на тождество языка, образа жизни, веры, не только не создавали себя единым народом, но не имели на своем языке даже надлежащего слова, которое выражало бы это понятие. Но когда русификаторская политика создала общую опасность потери их учреждений и, главное, земель, они начали сознать себя народом. То же с бурятами. Когда эти последние вступили в русское подданство, они представляли собою агрегат родов, племен, но не народ. Общий гнет, общая опасность потери своих прав и земель постепенно сплачивали роды и племена в одно целое, и на наших глазах, в момент величайшей опасности для их существования, момент потери самоуправления и земель, совпавший с другим великим стимулом — освободительного движения, окрылившего их надежды и внушавшего мужество — обе бурятские ветви поднялись до национального самосознания. В этом случае мы видим кроме внешнего стимула гнета, опасности, другой великий стимул рождения и возрождения национальности — стимул извне пришедшей свободы.

Но, кроме вышеуказанных моментов, для процесса возрождения национальности необходимы еще благоприятные условия. И не только благоприятные условия объективного свойства, как выгодное географическое положение, слабость давящей национальности, внешняя помощь и т.д. Необходимы условия, крою-

щиеся в самой структуре данной народности. Необходим аппарат, через который все стимулы, все эмоции с наибольшей силой и быстротой проводились по всему организму народа. Необходима наличность либо той или другой социальной организации (например, родовой, племенной), способной в нужную минуту направить разрозненные действия в одно общее русло; либо, если все следы исторической организации успели сойти со сцены, наличность интеллигенции, — духовной или светской, смотря по обстоятельствам — способной заразить массу собственным энтузиазмом к борьбе за национальное освобождение. Без организации, без фермента интеллигенции, возрождение невозможно.

С этой схематической точки зрения интересно взглянуть на рассматриваемые нами народности. Все они в большей или меньшей степени пережили в свое время период борьбы за национальную индивидуальность, все они одинаково потерпели поражение, хотя одни кончили борьбу раньше, другие — позже. Но не одинаковы были последствия этого трагического финала.¹³

Многие вместе с инкорпорацией потеряли не только свои территории и социальные организации, но и те национальные традиции, которые являются зерном для будущего возрождения. У татар, у мордвы, у вотяков, чувашей, черемисов, башкир, у зырян и т.п. народностей прошлая независимость едва ли не пустой звук, не говорящий ни уму, ни сердцу. Конечно, тому были могущественные причины — как потеря сплошной территории, давление русского элемента или земельное разорение, но, каковы бы ни были эти причины, факт налицо, — не только национально-политические, но в значительной степени чисто национальные эмоции и самосознание исчезли. После инкорпорации мы не видим никаких проявлений коллективной деятельности, никакой самообороны. Огромную роль в этом трагическом факте играла, разумеется, не только малая культурность, но и беспощадность борьбы. В этой вековой борьбе погибли, без сомнения, наиболее энергичные элементы, а новые условия жизни были слишком мало благоприятны для выработки индивидуальностей. Известный пример крестьянина мордвина Кузьмы Алексева, по прозвищу "Кузька — мордовский бог", сумевшего своей проповедью обновленной старой веры вызвать массовое движение среди мордвы, увлекшего за собою тысячи народа

и на момент воскресившего в мордовском народе старые национальные эмоции, — только ярче подчеркивает национальное бессилие подобных народностей.

Ко времени освободительного движения указанные нами народности очутились так или иначе в таком положении, что не только старые национально-политические эмоции, но и самый стимул самосохранения, стимул опасности и борьбы оказался утраченным, ибо в политической области они безнадежно потеряли все, что возможно только потерять, — вплоть до надежды.

В одной только области стимул опасности сохранился — в области религии; но более или менее организованную самооборону и сотрудничество среди этих народностей мы находим только у народностей магометанских, и то преимущественно у татар, у которых ислам пустил глубокие корни. Высокие культурные достоинства этой религии поддерживали в массах татарского народа стойкость в борьбе и, главное, веру в несокрушимость.

Лишенные политических организаций, татары имели естественные организации в своих обособленных религиозных общинах.

Стимул религиозной опасности, вызванная ею потребность в самообороне и самодеятельности, наконец, эта спонтанная организация глав религиозных общин, без сомнения, должны были сыграть огромную роль в пробуждении национального самосознания. Но этого было недостаточно. Острота религиозной борьбы значительно парализовала народную энергию, направив ее в узкое русло односторонних эмоций. В этом отношении татары оказались в том же положении, что и менее культурные народы Поволжья. У всех этих народов старая социальная структура рушилась вместе с последними поражениями в борьбе за независимость. Усиленная иммиграция русского элемента наряду с административной русификацией давным давно разрушили старый родовой строй, заменив и самоуправление и суд общерусскими учреждениями. Только конспиративно, и то в местах со сплошным инородческим населением возможны были соглашения и сговоры отдельных сельских обществ и волостей. И если татары, да еще донские и ставропольские калмыки, благодаря иноверию и самостоятельности церковной организации,

имеют пути и средства для общения и общих действий, то православная мордва, вотяки и др. этой формы общения не имеют. Всем этим народностям еще предстоит, если им суждено возродиться, создать ту или другую форму организованного социального или культурного общения. Старые общественные организации умерли, умерли и классы, раньше стоявшие во главе борьбы, и нужны были новые элементы, которые воскресили бы пепел потухшего очага. Эти элементы, как мы увидим, явились в лице интеллигенции.

Например, буряты являлись естественными защитниками отдаленных границ от напора кочевников и в то же время служили посредниками с соседними территориями и племенами востока. В виду удаленности от центров русской оседлости, правительство было фактически лишено возможности опираться на силу местного русского элемента, крайне немногочисленного. Все это вместе взятое заставляло центральное правительство сдерживать русификаторский пыл местной администрации и оставить народностям до известной степени их внутреннюю самостоятельность. В одном отношении русское владычество принесло этим народам огромную пользу. Оно дало им *внутренний мир*. Оно прекратило те губительные распри, которые никогда раньше не прекращались между отдельными родами и племенами, и энергия, которая до того уходила на разрушительную внутреннюю борьбу, теперь могла направляться не только на мирную культурную работу, но и на национальное объединение и сотрудничество. Так или иначе, но эти народности, наряду со своей территорией и земельным устройством, сохранили до последнего времени и свою старую социальную организацию.

Как ни придавлено было инородческое самоуправление, но органы его так или иначе жили, действовали, боролись, хотя бы оборонительно, и в этой борьбе укреплялось сознание национального бытия и единства.

Не забудем, что в основе инородческого самоуправления лежал род или союз родов — племя. А род или племя — микрокосм не только национального, но и социально-политического организма. Род не только кровный союз и хранитель общих исторических традиций и эмоций, но и распорядитель всего родового богатства, *земли*, регулятор всех гражданских отношений. Возьмите какое-нибудь так называемое *инородческое ве-*

домство. Это совершенно обособленный цельный организм (племя), состоящий из лиц общего происхождения, связанных общей историей, общими героями, общими дорогами всем деяниями и событиями прошлого, общими авторитетными родоначальниками. У членов этого союза единая *общая территория*, принадлежащая всем и никому в отдельности. У них свои родовые боги и свои религиозные празднества, свои судьи и свои управители, своя самая интенсивная социальная работа. В чистом виде это настоящее ультра-национальное государство.

В национальном отношении родовой строй сыграл огромную роль. Внутри родовых и племенных союзов с их сугланами хотонов, аймаков, улусов, наконец, сугланами из представителей целых племен — изо дня в день, начиная с повседневных насущных нужд в делах земельных, судебных, продовольственных, и кончая моментами общенациональных бедствий, объединяющими представителей разных племен в одно единое целое — шла незаметная, но непрерывная совместная работа, накоплялись навыки общего сотрудничества, общих эмоций и традиций. И если все эти психические элементы обычно дремали в тяжелую и долгую ночь общего гнета, то они нервно просыпались при первой острой опасности, грозившей дорогим учреждениям, и смыкали цепь общенационального самосознания. А эти опасности — к счастью или несчастью — возникали без всякого перерыва, и даже в моменты затишья напуганное воображение не переставало ожидать грядущих опасностей и вызывало постоянно напряженное состояние самообороны.

Хорошей иллюстрацией этого постоянного “*perpetuum bellum*” служит существовавший у всех народностей рассматриваемой группы институт так называемых “темных поборов” — всенародное регулярное самообложение для защиты от административных притеснений! Прежде всего, это бывали систематические захваты инородческих земель пришлыми элементами или даже самой администрацией для раздачи казакам и переселенцам. Далее, те классические “обида и разорения” со стороны местных властей, которыми переполнены старинные челобитные инородцев, — “обида и разорения”, конечно, выходящие из ряда вон, ибо на обычные вымогательства и притеснения инородец не имел никакой возможности реагировать. Немаловажным поводом для мер самообороны служили обиды миссионеров, насильственные

крещения, репрессии против старой веры. Наконец, инородцам приходилось непрерывно следить за всякими законодательными и административными проектами, затеавшимися в той или другой инстанции, чтобы во-время предупредить или, по крайней мере, уменьшить опасности, грозившие их интересам. Получается, положим, известие, что тот или другой министр или местный администратор готовит важный антинациональный проект. И вот начинается переписка между родоначальниками или общепризнанными представителями. Собираются со всех концов территории “нотабли”, избирают депутацию, которая отправляется в резиденцию того или другого администратора, часто и в столицу.¹⁴ На дорогу требуются деньги, и не на одни путевые издержки: еще более требовалось в свое время для убогствования влиятельных особ, на оплату ходатаев, посредников, адвокатов и т.д. Тут-то на сцену выступает фонд, составившийся из “темных поборов”. Случалось, что опасность грозная, а темного фонда мало; тогда нотабли устраивают между собою подписку. В таких случаях корысть отступает на задний план, и лица, слышущие в обыденной жизни за людей скаредных и даже кулаков, поражают своей щедростью.

Существует преувеличенное мнение, будто “темные поборы” служили, главным образом, для обогащения общественных воротил. Злоупотребления, конечно, бывали, поборы были очень тягостны для населения, достигая иногда до 1 рубля с души; это правда, но что эти поборы действительно шли обыкновенно на патриотические цели, — несомненно.

Отсюда становятся понятными эти бесконечные депутации в Петербург, пополняющие, начиная с конца XVII века, историческую летопись инородцев, кажущиеся нам в настоящее время бесцельными прогулками, а в глазах инородцев имеющие первостепенное значение.¹⁵

Конечно, не сами депутации важны и даже не их результаты, а та психика, которая вокруг них создавалась. В этом воспитательном смысле важны были, быть может, еще более и другие формы самообороны, — с нашей точки зрения, нелепые, с точки зрения инородцев, самые сильные, — требовавшие не только материальных жертв, но и всеобщего народного напряжения. Мы говорим о всенародных религиозных мероприятиях (посты, молитвы, заклинания и т.п.), которые

принимались по инициативе нотаблей по случаю грозных политических бедствий.

Как ни нелепы, с нашей точки зрения, эти примитивные меры самообороны, но они, в силу общенациональных эмоций, ими вызываемых, в силу организованности этих мер, требовавших и материального и духовного напряжения, должны быть учтены в активе динамики тех сил, которые создавали национальное самосознание и сотрудничество.

Так действовала родовая организация изо дня в день во всех областях жизни, начиная с интересов обыденных и местных и кончая интересами высокой важности и общенародными, создавая сложный психический аппарат общих навыков, традиций, симпатий и эмоций. В этом процессе естественно создавался и воспитывался тот общественно необходимый класс деятелей, та социальная интеллигенция, которая хранила традиции общественного интереса, стояла на страже его и являлась инициатором во всех национальных делах.

До поры до времени это была родовая аристократия, а в позднейшее время и духовенство. Постепенно к ним присоединялась другая аристократия — ума, личных дарований, богатства; наконец весьма недавно явилась на сцену новая, безродная аристократия — и н т е л л и г е н ц и я .

Не всегда, конечно, родовая аристократия играла демократическую роль. Часто она являлась и в роли угнетателей своих же соплеменников, как это было, например, у астраханских калмыков, у якутов; но даже в худших случаях она все же являлась единственным элементом, стоявшим на страже общенациональных интересов, и в глазах массы была символом национального единства.

Нужно помнить, что самый ненавистный родович-аристократ все же ближе инородцу, чем русский чиновник, ибо живет той же жизнью, что и он, и национальное высокомерие ему незнакомо.¹⁶

Но если история на своем пути отмечает отжившие элементы сословности, то на смену им являются новые элементы личного дарования, ума, просвещения. На сцену является и н т е л л и г е н ц и я , этот удивительный духовный фермент, который, подобно ферментам органического мира обладает свойством не только бесконечной размножаемости, но и даром превращать инертное в активное, мертвое в живое.

Такая интеллигенция, которая с глубоким знанием прошлого видела бы ясно горизонты настоящего, могла народиться только под влиянием европейского просвещения. Из этого само собою ясно, что явление это — новейшего времени.

С национальной точки зрения история европейского просвещения у инородцев прошла несколько фаз. В первый период само правительство, в видах обрусения, принуждало инородцев отдавать своих детей в общие школы. Результаты этого насильственного просвещения оказались довольно печальными. Оторванные насильно от родной среды, перенесенные в условия часто физически невыносимые для детей природы, инородцы при первом удобном случае бросали непривычную и ненавистную среду и возвращались с радостью к старой жизни, словно намеренно сбрасывая с себя все путы чуждого просвещения. С другой стороны — особенно среди татар, городских жителей — лица, добившиеся европейского образования, отходили от своего народа, порвав с ним всякие связи. Но жизнь брала свое. Все увеличивавшийся контакт с русскими, сознание утилитарного значения знания для целей торговых и для сношений с администрацией, распространение школ, отчасти христианства — постепенно создавали потребность в образовании. В этот период, наоборот, замечается часто тенденция к противодействию инородческому просвещению, особенно на окраинах. Доступ к просвещению для целых народностей (бурят, например), является иногда премией за крещение. Сверх того, низшие школы, которые создавались для инородцев, носили явно обрусительный характер и мало достигали цели, так как языком преподавания был язык, совершенно чуждый для учащихся. Тем не менее, несмотря на все неблагоприятные условия, интеллигенция, хотя и медленно, нарастала. Правда, большая часть все еще отходила от своего народа, стараясь как можно скорее смыть с себя пятно инородчества, чтобы затеряться в русской массе, и даже лучшие элементы, те, которые в силу своего профессионального положения, как священники, учителя и т.д., не оказывались по отношению к своим в роли добровольных обрусителей, даже и они меньше всего думали о каком-либо национальном возрождении: это в большинстве случаев были скромные культуртрегеры, которые, скорбя душой о духовном убожестве своих соплеменников, пытались своими единичными усилиями внести какой-ни-

будь свет в эту среду распространением грамотности, переводами священных книг на инородческие языки, что, кстати говоря, поощрялось и самим правительством; и едва ли не идеалом этих лучших элементов было мирное обрусение. Но приближался момент, когда эта аморфная интеллигенция силой самой жизни должна была стать на путь национальной работы.

Толчок пришел извне, из того родника общечеловеческой культуры, для которой нация — только индивидуальность в великом цветнике народов. Наступила пора, когда социально-политические идеи из голов одиноких интеллигентов стали переходить сначала в городские, а потом в сельские массы. Носители этих идей, прежде одиноко бродившие по большим городам в поисках адептов, стали так же часты в провинциальных городах, как и в столицах. Идеи распространялись уже не приезжими агитаторами, а местными культурными одиночками. Вот тут-то в инородческой среде явился камень преткновения: доступ в нее открывался только через дверь национального: русский язык, русская литература оказались бессильными. Инородческий язык был единственным каналом, который мог соединить родное племя с общим руслом всероссийской реки новых идей. Этот язык надо было возродить, многим даже вновь изучить, обогатить его новыми словами и сделать из него язык литературный.

Это была огромная работа, но она дала и огромные успехи, и вместе с ними росла любовь к этому победоносному оружию, росла любовь к его носителю, росла любовь к познанию его, его психики, его прошлого, его лучших сторон, его страданий и чаяний и, наконец, нашелся лозунг для этой работы в таинственном слове — с а м о о п р е д е л е н и е .

Но тут мы уже подходим к моменту освободительного движения.

Освободительное движение застало инородцев далеко не врасплох. Никогда еще агрессивная политика центра не велась с такой последовательностью, как именно накануне освободительного периода. Во всех областях жизни, начиная с земли и кончая школой, верой, гражданскими правами, репрессии шли за репрессиями; а для более строптивых национальностей предпринимались специальные меры...

Неудивительно, что первые раскаты освободительного движения, наиболее яркие и ранние политические выступления начались именно на окраинах, в центрах инородческой оседлости.

Уже не говоря о Западном крае или о Кавказе и, в частности, Гурии, где движение началось за три года до японской войны и завершилось в начале 1905 г. всеобщим восстанием и сменой всех местных властей, — вспомним далекое Забайкалье, где маленький изолированный народец, доведенный до крайности агрессивными мерами против его исконных учреждений, начиная с 1902 г. шаг за шагом мужественно отстаивает свои старые вольности, вплоть до поголовных отказов выбирать сверху навязываемых властей и до насильственного возвращения земель (буряты, тунгусы).¹⁷

Не везде, разумеется, участие инородческих групп во всеобщем подъеме одинаково рельефно выступало на поверхность. У таких народностей, как буряты, якуты, киргизы, уже в силу их географического положения, в силу особых условий культуры, борьба носила ярко индивидуальный характер национально-освободительного движения; у таких народностей, как мордва, чуваша, татаро-башкиры, живущих вперемежку с русским населением, а главное, в одинаковых с ним экономических и бытовых условиях, движение, особенно среди сельского населения, ничуть не отличалось от общерусского. Те же приговоры, те же наказания ходокам и депутатам, те же сельскохозяйственные забастовки, те же общепартийные группировки, та же агитация в выборную кампанию и те же формы протеста против администрации.¹⁸

Но за этим общим процессом, казавшимся столь однородным, шел другой процесс, менее заметный, но не менее знаменательный. Когда русский крестьянин прислушивался к речи оратора, у него слезы навертывались на глаза потому, что впервые в ясных, сильных и трогательных словах он услышал то, чем смутно болела его душа в течение веков. У мордвина, чуваша, вотяка, черемиса, татарина, которым их собственный язык казался бедным, жалким, презренным, интеллигенция которого была до сих пор столь чужда ему, эти слова, помимо их содержания, вызывали особый энтузиазм еще и потому, что они произносились родным человеком, давно покинувшим его, еще вчера казавшимся ему чуждым, сегодня снова ставшим ему братом,

и произносились на его собственном языке, еще вчера считавшимся отверженным.

И на этом, отныне ставшем для него вдвое дороже, родном языке ему говорили о праве его в общественной жизни и школе, о праве на национальное самобытное существование, а еще через некоторое время он сам распевал на этом языке захватывающие строфы марсельезы, читал прокламации с пылкими призывами, брошюры о естественном праве человека, свободе, земле, братстве народов. Тут создавались неведомые ему раньше, но отныне неизгладимые национальные эмоции, закладывался фундамент национального самосознания. Незаметно со стороны, глубоко внутри происходил психический процесс, который одновременно пересоздавал в одном горниле и массу, и ее интеллигенцию, сливая их в одно неразрывное целое.

Возвращение инородческой интеллигенции к народу — знаменательнейший факт освободительного движения.

Ни в одной среде интеллигенция не была так чужда массе, как в инородческой. Вкусив плоды русского образования, интеллигент пуше всего заботился о том, чтобы как можно скорее смыть с себя печать инородческого происхождения, печать отвержения и приниженности. И народ, сам тяготившийся своей отверженностью, платил ему глухой враждебностью, видя в нем одновременно и барина, и ренегата. Освободительный порыв вернул многим народностям их интеллигенцию. Так было с татарами, немногочисленная европейская интеллигенция которых была совершенно чужда народу. Так же было и у таких народностей, как вотяки, чуваша, башкиры, черемисы, интеллигенция которых в буквальном смысле слова стыдилась своего происхождения.

Конечно, интеллигенция эта, как ни велик был ее энтузиазм, вряд ли могла бы использовать его, если бы в ее рядах не было элементов, успевших еще ранее занять в среде народа кое-какие позиции. Эти сравнительно немногочисленные, но влиятельные своим положением элементы составляли сельские учителя, священники, писари из инородцев, которые до того, под влиянием внешних условий, ничем особенным себя не проявляли, но в нужный момент сумели воспользоваться своим положением. Это они вдруг в школах, в церквях, на народных собраниях заговорили на народном языке, разъяснили события, будили сим-

патии к освободительному движению и вызывали к себе симпатии масс. Главным образом, через эти элементы и проникли социалистические идеи в крестьянские массы, и мы увидим ниже, как идеи эти привели к неожиданному результату, к образованию национально-социалистических организаций.

Но, говоря о роли интеллигенции, никоим образом нельзя довольствоваться пониманием этого термина в ограничительном, европейском смысле этого слова.

У некоторых народностей, у которых контингент лиц с европейским образованием был недостаточен, роль интеллигенции выполняли, и весьма энергично, или лица духовные по профессии, или лица, получившие религиозное образование. Это можно было наблюдать у поволжских татар, у калмыков, у бурят. Не без влияния в этом случае остались европейские идеи, проникшие в духовенство, — как это ни странно, — не через Россию, а через косный Восток, через Турцию и Египет. Стеснения в организации высших расадников мусульманской образованности издавна гнали сотни молодых людей в школы Константинополя и Каира, где они сталкивались со своими единоверцами из всех стран мира. Здесь, особенно в Каире, забытые татарские юноши могли видеть, как чудотворно действует тот режим свободы, который ввели англичане в Египте. Здесь, точно так же, как в Индии, английская свобода породила в мусульманстве идеи, которым, быть может, суждено изменить всю психику исламистского мира. Съезды мулл, участие некоторых из них в учительских организациях, союзы студентов медресе — характерные признаки нового течения. По-видимому, еще более видную роль играло ламаистское духовенство у бурят и начинает играть у калмыков.¹⁹

Таков был, так сказать аморфный процесс национального пробуждения, так шла та невидимая психическая работа, которая протекала в тиши народных глубин. Аморфный процесс неизбежно должен был перейти в процесс кристаллизации.

Начинается период образования национальных организаций, период общенациональных действий и выступлений.

Из этих организаций, прежде всего, останавливает на себе внимание "Мусульманский союз", родившийся на свет Божий 15 августа 1905 г. среди вод Оки, на пароходе "Густав Струве", го-

степриимно приютившем и укрывшем от запрета администрации представителей российского мусульманского мира.

По официальному титулу своему ("собрание мусульман всех сословий из разных губерний и областей России") Союз представлял собою только как бы лигу лиц, объединенных общностью религии и общностью правового положения в государстве; но это только по названию, на самом же деле в основе своей это не был аморфный агрегат лиц, а союз народностей, союз народных организаций. В действительности, народности, естественно входившие в этот союз, как татары, азербайджанцы, киргизы, — представляли собою обособленные национальные группы, образовавшие свои особые организации, имевшие свои съезды.²⁰ Иначе и быть не могло. Народности, вошедшие в союз, были слишком отличны друг от друга в историческом, экономическом, бытовом и социальном отношениях; каждая из этих народностей имела свои обособленные верховные интересы, для которых, естественно, требовалась своя собственная национальная организация.

То, что спаяло эти столь разнообразные народы, это были общие религиозные эмоции, общие религиозные идеалы, общая религиозная опасность и общие правоограничения и, наконец, — верховный мотив — общая жажда культурного возрождения на почве сближения мусульманства с европейским просвещением и с новыми политическими идеалами и условиями.

Что "Союз" ставил во главу угла всестороннее развитие именно автономных культурно-национальных организаций, это ясно показывает последний пункт (5) резолюции первого же съезда Союза, гласящий:

"Для успешного достижения всех намеченных целей на местах образуются свои *меджлисы*, руководимые периодическими съездами мусульман".

Национальный характер этих съездов особенно рельефно сказывается в том, что не только все сословия, но и все партии имели на них своих представителей. Национальный подъем, таким образом, оказался сильнее всех партийных и классовых антагонизмов, и это лучший показатель его интенсивности.

Выступление на сцену Мусульманского союза представляет

один из интереснейших фактов как освободительного, так и национального движения в России. Он с величайшей очевидностью показывает колоссальную силу психического подъема в этот исторический момент. Только в такие моменты народы с различным историческим прошлым, отделенные друг от друга огромными расстояниями, совершенно отличные в культурном и бытовом отношении, связанные между собою только религией, могли с полной верой объединиться не только для общей борьбы, но и для общего духовного возрождения (см. 1-4 пункты 1-го съезда).

И если мы вспомним, что душой Союза явились волжские татары, то интерес этого факта будет еще более значителен. У татар до 1905 г. никакой общенародной организации не было, если не считать официальной церковной организации, никаким авторитетом у населения не пользующейся. Связи между волжскими и крымскими татарами почти не было. Сельское население не занимало сплошной территории. Но татары имели одно важное преимущество. Они имели городское население.

И если прибавить, что в Казани, самом крупном пункте татарской оседлости, естественно образовался центр мусульманской религиозной письменности и религиозной интеллигенции, поневоле привлекая к себе все элементы духовного сословия, если прибавим, что в медресе Каира, Константинополя и Бухары представители самых различных мест мусульманской оседлости сталкивались между собою и завязывали духовные связи, если, наконец, прибавить, что все эти элементы обладали общей письменностью и общим языком, не только татарским, но и арабским, то будет понятно, что условия для объединения были налицо. И когда настал час всеобщего клича к объединению, эти атомы потянуло друг к другу, и потребовалось немного дней, чтобы в плавучем доме на Оке среди всеобщего энтузиазма были заложены основы огромного союза мусульманских народностей России. И так как татары из всех этих народностей одни имели сильное городское население, в силу географического своего положения больше других соприкасались с русскими прогрессивными элементами и, следовательно, имели больший сравнительно с другими контингент интеллигенции, то им выпало на долю играть доминирующую роль в союзе.

Мусульманский союз, имевший три съезда (последний в

1907 г.), дал огромный толчок самосознанию мусульманских народов и создал влиятельную и многочисленную фракцию в первых двух думах. С этой фракцией, хотя и малочисленной теперь, считаются даже в реакционной и враждебной инородцам 3-й Думе, видя в ней олицетворение крупной силы мусульманства.²¹

Своеобразный интерес представляет Якутский союз, сформировавшийся в январе 1906 г. в момент наиболее бурного для Якутской области подъема и принявший сразу революционный характер.

Сознавая себя в этот бурный момент хозяевами края (из 270 тыс. населения области — 250 тыс. якутов), организаторы Союза, поставив себе целью соединенными силами прочно установить свои гражданские и экономические права, выставили следующие требования:

- 1) признания всех земель собственностью самих инородцев;
- 2) предоставления якутам права иметь своего представителя в государственной думе;
- 3) скорейшего утверждения положения о земском самоуправлении;
- 4) немедленного уничтожения опеки полиции над инородческими общественными учреждениями и прекращения всякого сношения с ними администрации.

Впредь до удовлетворения этих требований, которые были ультимативно предъявлены по телеграфу председателю Совета министров, члены Союза отказывались:

- 1) от всякого сношения с чинами полиции и
- 2) платежа податей и повинностей.

На учредительном съезде Союза участвовало до 400 человек, в том числе много представителей с мест, тойоны, писари, уважаемые лица, благодаря чему на призыв учредителей откликнулись со всех сторон целые улусы, спешившие не только со своими подписями, но и с выполнением бойкотных требований Союза. На момент Якутская область вышла из-под власти администрации. Подати не посылались, лошади не отпускались и сообщения с полицией прекратились.²²

Кратковременно было существование "Якутской республики"; организаторы были арестованы и преданы суду, масса смирилась, но в психике якутов оно оставило властное впечатление.

Революционный характер Союза, вызванный, конечно, особенностями момента, находит свое объяснение и во всей истории якутской жизни. Жизнеспособное, талантливое племя якутов, сумевшее колонизовать суровую полярную страну и покорить ее природу, насадить в стране льдов и болот скотоводство и земледелие, претерпело за последние три века более, чем какое-либо другое инородческое племя. Гнет администрации здесь не знал пределов: еще в 80-х годах прошлого века находились исправники, которые возили с собою целые телеги с розгами, которыми истязали якутов, вымогая взятки. Ссылные, которые непрерывно присылались с XVII ст., беспрестанно чинили убийства, грабежи, насилия над женщинами, а вдобавок приходилось их кормить и отдавать им по распоряжению администрации лучшие обработанные земли, каждая пядь которых стоила нечеловеческих усилий и трудов. В 1858 г. были закрыты степные думы, и остатки родового управления были отданы во власть писарей и заседателей. Тем не менее, родовая жизнь, родовые традиции не умерли. Каковы бы ни были злоупотребления отдельных тойонов и родоначальников, они все же были единственными хранителями национальных интересов и традиций. Это они без устали ходатайствовали о восстановлении самоуправления, об охране земельных прав, о защите от обид администрации. Делали они это, конечно, в самых благонамеренных формах, но отказы следовали за отказами.

Мы так долго останавливались на мусульманской и якутской национальных организациях потому, что эти организации совершенно новые, выросшие всецело на почве освободительного движения. У других народностей нашей группы национальные организации стали складываться гораздо раньше; во время освободительного движения мы видим их только окрепшими, принимающими более определенную форму. Так, например, у бурят, благодаря высоко развитому родовому строю, организованное национальное общение в той или другой форме никогда не прерывалось; освободительное движение придало старым формам общения только новый характер: вместо съездов тайшей — съезды всенародные, вместо голых ходатайств — плано-

мерные проекты организации народной жизни и т.д. У одной части бурят — именно иркутских, у которых давно ослабли было объединяющие элементы, мы видим вновь нарождение национальной организации, и, наконец, впервые в этот период обе отрасли бурятского народа, потерявшие навыки взаимного общения, вступили в тесный общенациональный союз культурного возрождения. То же, что о бурятах, до известной степени можно сказать и о киргизах.²³

И, чтобы покончить с Сибирью, упомянем маленький союз минусинских инородцев, впрочем, оставивший очень мало следов, и, наконец, попытку организовать всеобщий союз всех инородцев Сибири, попытку очень энергичную, но неожиданно прерванную благодаря наступившим репрессиям.

Таковы были организации, которые можно назвать чисто национальными, а потому и внепартийными. Рядом с ними, одни позже, другие раньше, существовали союзы тоже национальные, действовавшие то параллельно, то совместно с упомянутыми организациями, но, во всяком случае, с ними не смешавшиеся. Мы говорим о союзах учительских и национально-социалистических.

Толчком к образованию национальных учительских союзов послужила деятельность Всероссийского союза народных учителей, где впервые столкнулись учителя разных инородческих групп, имевшие возможность сблизиться между собою и уразуметь всю важность учительских союзов в деле национального возрождения.

Учителя представляли самый чуткий, свежий и энергичный элемент, ближе всего стоявший к массе. Через них, в сущности, все новые идеи и лозунги проникали в самые глубокие слои народа. Они были его естественными вождами в период движения. Наконец, на них выпала вся тяжесть культурно-национальных задач, возрождения языка, выработки новых методов преподавания, издания инородческих учебников, словом, вся та творческая работа, которая составляла истинное содержание национального самоопределения.

По внешней своей конструкции учительские союзы носили профессиональный характер. В таком духе, по крайней мере, составлялись их уставы, и под профессиональным флагом они пытались легализоваться.

Во имя успеха своего главного — национального — дела они формально признали себя внепартийными, но в действительности подавляющее большинство членов каждого учительского союза, иногда союзы целиком, принимали общую политическую платформу. Иначе и быть не могло: большинство союзов зародилось в самый разгар движения, в котором учителя принимали самое деятельное участие. Выдающуюся роль играли учительские союзы и в избирательную кампанию; учителей в первую голову выбирал народ уполномоченными, выборщиками.

Деятельность учительских союзов завершилась уже в период реакции образованием федерации национальных и территориальных союзов учителей и других деятелей по народному образованию. На учредительном съезде этой федерации, состоявшемся в Петербурге 24-25 апреля 1907 г., участвовали, судя по отчету съезда, в числе других народностей (армян, грузин, евреев, белорусов) и представители наших инородцев — бурят, якутов, калмыков, крымских татар и башкир; разгромы среди учителей помешали присутствию делегатов от чувашей, черемисов др. народностей.

Наряду с этими организациями, формально внепартийными, народились и организации партийные. То были преимущественно организации национально-социалистические, т.е. организации, во-первых, поставившие себе целью исключительную работу в среде той или другой народности, во-вторых, принимавшие, сверх того, национальную платформу.

Таковы были организации, народившиеся или получившие особенное развитие в период революции. Посмотрим, каковы были их чаяния, насколько они выразились в их платформах.

Прежде всего интересно отметить, что ни в одной платформе мы не видим никаких сепаратистских тенденций. Наоборот, все они проникнуты твердым убеждением, что только в единении со всеми народами России, в общей свободе, в общедемократическом строе каждая народность обретет свое поприще. Исходя из этого, не только национально-партийные платформы, но и внепартийные организации требуют энергичного участия в общероссийском движении. Наиболее умеренная платформа первого мусульманского съезда много

места посвящает именно этому вопросу.

”Необходимо, — гласит 1-й пункт этой платформы, — и своевременно сближение мусульман всех областей России на почве общественно-культурных и политических запросов и задач современной русской жизни”.

И далее:

”... в достижении и осуществлении этих задач прогрессивная часть мусульман, разделяя идеалы передового русского общества, действует в смысле установления в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении государством (п. 3). Деятельность свою мусульмане направляют сообразно с потребностями и запросами *общегосударственной* жизни в России” и т.д. (п. 4).

Правда, у некоторых народностей, как у бурят, татар, замечалась интенсивная тенденция сближения с родственными им народами вне России, что подало повод говорить о панмонголизме, панисламизме и т.д., но сближение имело в виду интересы чисто духовные и, что замечательнее всего, в центре сближения опять-таки стояла Россия, правда, свободная Россия. Вообще изучение документов национального движения с очевидностью свидетельствует о том, что ни в один момент русской истории связь инородцев с Россией не была столь крепка духовно, как в годы освободительного движения.

За общими требованиями в программах инородцев следуют требования тоже общеполитического характера, но специально интересующие ту или другую народность. Так, например, Мусульманский союз требует во имя равноправия народностей

”... отмены всех изъятий и ограничений, которые установлены в отношении мусульман действующими узаконениями, правительственными распоряжениями и административной практикой, и полного уравнивания мусульман с населением русского государства во всех правах политических, гражданских и религиозных”.

Аналогичные требования имеются и во всех остальных платформах.

Инородцы не ограничивались ни простым требованием сохранения старых устоев быта, ни общими формулами автономности. Они вырабатывали всесторонние проекты (проекты земства у иркутских и забайкальских бурят,²⁴ у якутов), и в этих проектах, и в их мотивировке они обнаружили не только юридическое творчество, не только проникновенное понимание условий своего быта, но и сознательное усвоение новых идей демократизма.

Они требовали сохранения родового устройства, потому что навыки его гарантировали лучшие формы общественного сотрудничества и солидарности, но в то же время тщательно устраняли из него все вредные исторические элементы аристократизма, вводя в свои проекты самоуправления все принципы демократизма: всеобщее избирательное право без различия пола, выборность властей, независимость от администрации, передачу школьного дела в руки органов самоуправления и т.д. Они настаивали на сохранении исконного родового владения землей, ибо оно гарантировало наибольшую равномерность в ее распределении, и в этом справедливо видели залог роста социальной солидарности.²⁵ Они восстали против посягательства на кочевой быт, но в то же время вотивовали меры, споспешествующие переходу к более прогрессивным формам культуры (сельскохозяйственные школы, курсы, фермы и пр.).

Интересны попытки творчества в области *автономизма*. Забайкальские буряты, например, не довольствуются требованиями широкого самоуправления и требуют создания органа национального объединения в лице периодических съездов представителей ”ведомств”. Иркутские буряты вырабатывают меры защиты бурятского меньшинства²⁶ в губернском земстве; якуты надеются осуществить свою национальную автономию благодаря своему подавляющему большинству в земских учреждениях. Татары требуют образования местных меджилисов, руководимых периодическими съездами мусульман, и так далее.

В области *языка* требования различны. У народностей с самостоятельными территориями, как буряты, категорически требуется введение родного языка в области суда и самоуправления. Наоборот, у таких народностей, как татары, это требование не фигурирует. Зато в области духовного самоопределения и школы все платформы сходятся. Все требуют прежде всего самой

широкой свободы открытия школ, курсов и всяких просветительных учреждений, всеобщего и обязательного образования. Все одинаково требуют, чтобы языком преподавания был родной язык, чтобы дело народного образования перешло в руки органов самоуправления.

Наконец, все говорят о культурном самоуправлении и национализации. И опять-таки и в эту формулу инородцы вкладывают свое определенное содержание, подразумевая под этим возрождение родного языка, создание из него орудия европейского просвещения и внесение в цикл школьного преподавания всех тех культурных приобретений, которые народ создал на своем родном языке. Отдавая себе полный отчет в огромных трудностях нового дела, инородческие платформы возлагают все надежды на самостоятельность народа, и от государства требуют только устранения препон к народному творчеству.

Таковы были платформы инородческих групп.

Но таковы были платформы и всех левых партий. Вот почему все симпатии инородцев были на стороне левых. Были, правда, элементы правые, но то были антинациональные, реакционные элементы, страха или интереса ради тяготевшие к бюрократии. Такую роль играли духовные правления татар в Крыму, жившие казенным жалованьем и обирательством паствы. Такую же роль играло здесь татарское поместное дворянство. Была маленькая группа, прозванная иркутскими бурятами "обрусителями-подлизовцами", всячески противодействовавшая всяким новшествам и требованиям. Была кучка "шоломовцев", истинно русских якутов, вопивших, что прогрессивные элементы разрушают основы старого народного быта. Образовался союз "истинно русских" среди татар в Казани при участии некоторых купцов и мулл. Но в общей сложности все эти элементы представляли ничтожные отбросы, которые, особенно в освободительный период, никакой роли не играли. В период реакции, конечно, эти элементы, раньше опасавшиеся открытого выступления, стали смелее.

Теперь посмотрим, в чем проявила себя национальная энергия в освободительный период. А priori можно сказать, что она естественно должна была проявляться в тех же формах, в каких она проявлялась в общероссийском движении. В период доверия и преддумья на сцене фигурировали депутации,

конечно, от тех народностей, у которых и до того существовали формы организационного общения.

Своеобразная судьба постигла депутацию якутов, посланную после издания манифеста 9-го июня для исходотайствования особого представительства. Депутация была признана опасной и телеграфным распоряжением возвращена с дороги в Якутск.

За депутациями последовал период съездов. Такие съезды мы видим у бурят (больше всего), у киргиз, якутов, татар.

Общие съезды продолжались по несколько дней и были весьма продуктивны. На некоторых вырабатывались сложные проекты (о земстве, суде, землепользовании и т.д.), обсуждались самые разнообразные стороны быта и, судя по протоколам, участники проявили, несмотря на царившее возбуждение и страстность прений, самое серьезное и умелое отношение к делу. Некоторые общие съезды были созданы самой администрацией или по ее почину (у якутов, бурят астраханских калмыков; у последних это был и единственный съезд).

Наряду со съездами общенациональными шли и всевозможные конференции — учителей, партийных деятелей, групп духовенства, городских нотаблей (у татар). Но истинная сила движения вылилась в районных и местных собраниях, которые носили всенародный характер. Здесь сам народ непосредственно приобщался к движению и копил эмоции и воспоминания для будущей перманентной культурной работы. Здесь брталась впервые интеллигенция с народом.

Из самостоятельных активных выступлений можно отметить: отказ от выборов должностных лиц по новому закону 1901 г. — у бурят; насильственное возвращение от Кабинета отчужденных земель — забайкальскими тунгусами; восстановление степных дум у бурят, отказ от податей и сношений с администрацией — у якутов.

Когда началась избирательная кампания, деятельность национальных организаций была перенесена в область избирательной агитации. К ней все элементы инородческого населения отнеслись с величайшим энтузиазмом. Ведь от Думы и ее представителей зависело осуществление тех *pia desideria*, которые провозглашались на митингах и съездах.

Сознательно и бессознательно избирательная агитация своди-

лась к двум лозунгам: на всех стадиях избирать наиболее левых, а из этих последних пользоваться всякой возможностью проводить своих, и только в случае невозможности последнего отдавать свои голоса за других. Но нужно отдать справедливость инородческому элементу: никогда он не злоупотреблял своим большинством, всегда уступая справедливое число мест меньшинству. С тем большей гордостью и энтузиазмом каждая инородческая группа встречала каждое избрание своих в выборщики или в депутаты парламента. Депутаты первой и второй Дум встречались с величайшим энтузиазмом, им устраивались торжественные проводы, и когда они приезжали на побывку на родину, каждый готов был на жертвы, лишь бы послушать своего депутата, повествовавшего на их родном языке о перипетиях думской работы. Мордва не единственное инородческое племя, которое с наивной, но трогательной гордостью бережет память о своих единоплеменниках — депутатах первой Думы, Аникине и Адрианове. Левонациональные лозунги инородцев играли не малую роль в партийной окраске депутатов всего востока России, где даже в третью Думу, благодаря именно инородцам, прошли сравнительно наиболее левые элементы.

Инородцы не довольствовались одним участием в выборах. Они зорко следили за своими избранниками, посылали им вслед наказы и особых нотаблей, которые в частных совещаниях руководили депутатами, помогали им и контролировали их в то же время.

В самой Думе только мусульманские депутаты, составлявшие внушительную величину в первых двух Думах (28), образовали самостоятельную фракцию, которая сохранилась и в III Думе, хотя и в значительно меньшем количестве. Депутаты других народностей входили во фракции тех партий, к которым они принадлежали по своим убеждениям. Представители сибирских инородцев, кроме того, участвовали в работах сибирской группы.

В парламенте инородческие представители примыкали все без исключения к прогрессивным группам (не правее к.-д.) и кроме того все поголовно вошли в думскую группу автономистов, функционировавшую во время первых двух Дум.

* * *

* * *

Таковы политические проявления инородческих групп за период освобождения. Но наряду с этим шла другая работа, менее видная, но, быть может, еще более значительная, работа культуры возрождения, та работа, которая должна была заполнить грядущие политические формы национального быта национальным содержанием. Работа эта в тусклое время старого режима могла казаться безнадежной. То, в чем дух народности наиболее полно проявляется, и что в то же время является единственным проводником общечеловеческого знания и идеалов в массу, — ее язык — под давлением векового запрета оказался в состоянии атрофии. Целые племена, как мордва, чуваша, вотяки не имели никакой письменности, кроме переводов — и то не удовлетворительных — священных книг, а у тех, которые имели ее, как татары, буряты, она была приспособлена для узкого круга церковности. Все, что создали культура и наука за последние века, было почти чуждо этой письменности, ибо школа была только конфессиональная, а в светской — народный язык был запрещен. Предстояла гигантская задача — перескочить за века омертвения и влить в старые языковые организмы новое содержание, новые идеи, новые формы, новые слова. И пионеры инородческих народностей не испугались трудностей.

В один прекрасный день в народных школах учителя заговорили на родном языке учащихся. На родном языке массы заговорили ораторы на митингах. У народов, не знавших письменности, являются прокламации, гектографированные листки газет (мордва). Вотяки распевает марсельезу на родном языке. Киргизы, захлебываясь, читают в переводе манифест 17-го октября и разучивают наизусть переложенную в стихах программу к.-д. У чувашей в течение многих месяцев издается радикальная политическая газета "Хыпар", является целый ряд политических брошюр, а у татар нарождается сразу несколько партийных органов, даже юмористические издания и целый ряд иллюстрированных учебников и брошюр. У бурят возникает издательство учебников и переводных книг. В далекой якутской окраине возникает газета на русском и якутском языках ("Якутский край"). Нарождается даже национальный театр. В

Якутске в разгар движения открывается национальный клуб, где ставят не только драмы из якутской жизни, но даже оперы, с якутскими мотивами и настоящими актерами и певцами из народа. В Астрахани калмыки ставят на сцене калмыцкую свадьбу... Это была работа, требовавшая энтузиазма и огромного запаса настойчивости и энергии.

Нужно помнить, что освободительное движение застало инородческую интеллигенцию в состоянии полной русификации в умственном отношении. Как один из многих примеров, можно указать, что на первом съезде крымских учителей татар дебаты велись на русском языке. То же происходило у чувашей, у калмыков, кажется, даже у бурят и якутов (?). Среди мордвы, например, на первых митингах ораторы говорили по-русски и только для иллюстрации приводили бытовые примеры на мордовском языке. Понятно поэтому, почему те самые интеллигенты, которые в качестве политических деятелей являлись пылкими агитаторами, на собраниях учительских съездов не менее пылко дебатировали вопросы об алфавите, орфографии, терминологии, реформе преподавания в мусульманских и ламаистских школах, проектировали факультеты национального знания (у бурят проекты преподавания в высших дацанских школах), и строили планы издательств, толковали об общефинском алфавите и т.д.

Но освободительный период, полный бурь, головокружительных побед и беспощадных поражений, промчался слишком быстро. На смену явилась реакция, и центральным пунктом ее воздействия стал инородец. Многочисленные народности, как киргизы, сарты, буряты, якуты и др. потеряли право представительства. Роковые опасности, грозившие многим из них, как потеря земельного фонда и самоуправления, стали еще более грозными, чем когда-либо. Нечего и говорить о чаяниях культурных автономий, ушедших в общую Лету общих погребенных надежд освободительного периода.

И при всем том о национальном движении можно сказать то же, что о российском движении вообще.

История не мерит своих успехов масштабом мимолетных побед или поражений. Истинным историческим критерием народного роста служат его психические завоевания. Если в психике народ остался на старом месте или пошел назад, тогда он потер-

пел действительное поражение. Тот психический переворот, который произошел в народном сознании за освободительный период, не поддается никаким внешним давлениям.

Психика инородца радикально изменилась. Он осознал свое право, он уверовал в себя, он проникся уважением к себе, у него явились идеалы, он обрел верную преданную интеллигенцию, он ступил, наконец, на путь самостоятельности. Он уже начал творить литературу и политику на своем родном языке, и он упорно продолжает дальше творить.

И довольно характерен тот факт, что в то время, как в среде русской интеллигенции реакция породила настроение уныния и растерянности, это настроение меньше всего коснулось инородческой интеллигенции, которая не только не поддавалась общему унынию, но, наоборот, проявляет особенную жизненность. Уже в период реакции начинают являться попытки национальных организаций там, где они раньше не существовали, например, у калмыков. Вырастает федерация учителей инородцев. У интеллигентов из мордвы, которые в период общего подъема мало уделили внимания культурно-национальной работе, теперь, наоборот, проявляется особенный интерес к родному языку, родной словесности. Среди татар возникает широкое феминистское движение, в разных местах татарской оседлости явились легализованные культурно-просветительные общества (между прочим, в Петербурге, в Москве), была попытка, хотя и тщетная, легализовать всероссийскую мусульманскую партию.²⁷ Инородческая издательская деятельность разрастается.

Конечно, реакция жестоко повредила национальному движению, вырвав лучших деятелей, разогнав лучших учителей, нагромоздив тысячи препон к росту литературы; расколов, наконец, культурные элементы. Но энтузиазм остался, и энтузиазм здоровый, энтузиазм, который мечтает не об обособлении, а о присоединении к общечеловеческому, но не ценой национального, а через национальное.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ "Право", 1905 г., № 48-49, стр. 3889.
- ² "Простые татары считают неудачи русских в Японии Божьей карой за незаконные, по их мнению, действия миссионеров против мусульман". С.В. Чичерина. "О приволжских инородцах", СПб, 1906 г., стр. 26.
- ³ Впрочем, даже среди народностей этого типа каждая даже второстепенная болячка, специфическая для той или другой народности, в этот горячий период особенно чувствовалась и выдвигалась наружу. Так, например, у вотяков есть специальная болячка, так называемая *кумышка*. Под последней подразумевается самодельная водка, которую испокон веков вотяки выдвигали для своих религиозных празднеств. До введения монополии *кумышка* добывалась совершенно свободно. Затем пошли гонения, которые создали состояние непрерывной войны между администрацией и фанатически преданными *кумышке* вотяками. Ни штрафы, ни тюрьмы не ослабили *кумышечного* пыла вотяков, которые в этой общей борьбе проявили удивительную солидарность. "*Кумышка*" стала поэтому гвоздем агитации. С *кумышки* начинал обыкновенно свою речь агитатор, и от нее, как от исходного пункта, он уверенно переходил к самодержавию, свободе совести, учредительному собранию, социализации земли. У чувашей при всей их солидарности с соседним русским населением был в некоторых местах свой больной вопрос – это спорные луговые земли, которые чуть ли не при Грозном были насильно отняты у них и переданы русским переселенцам. И вот, несмотря на популярность в их среде идеи социализации земли, ими был выдвинут в общерусскую аграрную платформу пункт о *restitutio statu quo ante* с луговыми землями.
- ⁴ Это очень хорошо понимают даже более толковые из миссионеров. Один из них (покойный Ильминский) говорит, что по взгляду шаманствующих инородцев христианская вера – есть *русская* вера; священник тот же шаман; молитвы – те же шаманские заклинания. Поэтому шаманствующие инородцы не отрицают христианства, а только признают его верой не *своей*, а *русской*, почему вопрос об обращении ограничивается (Недурно сказано! – Л.Ш.) для них церемонией *народности* ("Казанская Центр. Крещ.-Татарская школа", Казань, 1887, стр. 3,4, цит. у Чичериной)... Исходя из этой верной идеи, автор ее видел один только исход для привлечения инородцев к христианству, именно, национализирование последнего путем перевода священного писания на инородческие языки, богослужения на родном языке и т.д., т.е. превращения христианства в национальную религию каждой отдельной народности.
- ⁵ Чичерина, *op. cit.*, стр. 28 и сл.

- ⁶ Сообщено мне И.К. Зеленовым.
- ⁷ "Бирж. вед", вечерний вып. 21 февр. 1908 г.
- ⁸ Чичерина, *op. cit.*, стр. 24.
- ⁹ *Ibid.*, стр. 25,26.
- ¹⁰ *Ibid.*, стр. 25, 26.
- ¹¹ В то же время можно указать много примеров, когда русское население, вкрапленное в среду инородцев, постепенно теряет родной язык и усваивает доминирующий инородческий, как это случилось на севере Якутской, Енисейской и Тобольской губерний.
- ¹² Вот несколько данных. Общее число изданий, напечатанных в Казани в 1903 г., – свыше 250 названий и 2,5 млн. экземпляров; но татарские книги печатаются не в одной Казани, а и в Петербурге, Оренбурге, Москве, Ташкенте, Баку и Бахчисарае. Каталоги книжных лавок включают в себе кроме сотен названий по мусульманской учености, книги по математике и изящным искусствам (романы, повести, рассказы, сказки). (Чичерина, *op. cit.*, 21.) Это до 1905 г. С тех пор появились и политические газеты всех направлений, а в последнее время явился целый ряд школьных учебников по общеобразовательным предметам.
- ¹³ Некоторым читателям может показаться странной сама возможность говорить о прошлой борьбе таких племен, как вотяки, мордва, башкиры и т.д. Но это плод малого знакомства с историей России. В действительности забытая ныне борьба этих племен за свою внешнюю и духовную независимость составляет одну из трогательнейших страниц русской истории.
- ¹⁴ У калмыков было в обычае посылать депутации ко всякому новому министру внутренних дел "для смазывания кресла", по их выражению, которое в свое время имело, вероятно, значение нефигуральное. Последняя такая депутация имела место при В.К. Плеве.
- ¹⁵ Характерно отношение администрации к этим депутациям в последнее время. Одно время инородческим депутациям вовсе запрещалось приезжать в Петербург. В самые последние годы бывали случаи, когда депутатов выдворяли из столицы (бурят) или возвращали уже с дороги (якутов), или даже подвергали суровым репрессиям – ссылке и заточению – за телеграммы в Петербург (буряты).
- ¹⁶ Была аристократия и у других народов рассматриваемой группы, например, у татар, в лице поместного дворянства, но в виду потери родового строя и самоуправления, она никакой роли в националь-

ной жизни не играла, ничем не связанная с народом. Впрочем, в освободительный период даже у этого отжившего в национальном отношении класса проявились национальные симпатии. В Поволжье представители татарского дворянства приняли живое участие в мусульманских съездах и избирательной агитации. Только в Крыму татарские мурзы вместе с муллами остались совершенно равнодушными к национальным и народным интересам.

17 "Право", 1905 г., №№ 48-49, ст. "О том, как развивалось правосознание у бурят".

18 В этом движении приняло участие даже такое отсталое племя, как зыряне, которые действовали совершенно солидарно с местным прогрессивным крестьянством Вологодской губернии и в избирательную кампанию поддерживали левых. Единственное, кажется, исключение составляли карелы Тверской губернии, которые, несмотря на соседство с прогрессивным русским населением, остались совершенно индифферентными. По-видимому, главными причинами этого служили: отсутствие интеллигенции, потеря всяких исторических традиций и полная обособленность от внешних влияний, благодаря языковой изолированности.

19 Были, конечно, среди инородческого духовенства и реакционные элементы. Особенно отличались в этом отношении крымские горские муллы, прислужники татарского дворянства, доведившие свою реакционную ярость до насильственных столкновений с населением (Симферополь). Консервативную роль играло духовенство и в калмыцкой степи, издавна державшее руку дворянства. Но в других местах, на Волге, среди башкир, среди бурят, духовенство, как мы сказали, оказывало поддержку, и часто очень сильную, светской интеллигенции.

20 Только культурное мусульманское население Туркестана, еще не оправившееся от векового гнета азиатского деспотизма и последствий завоевания, лишенное пока европейской интеллигенции, осталось, по-видимому, без организации.

21 О будущем Союза трудно сказать что-либо определенное. Уже и теперь западнические и косные элементы ведут между собою глухую борьбу. Классовые противоречия неизбежно выступают на сцену; местные интересы отдельных народностей будут на время отодвигать общие.

22 Подробности см. "Отчет о судебном заседании по делу о 'Якутском Союзе'" в газете "Якутский край", 1907 г., №№ 21-26, 28, 29-33, 35, 37.

23 Подробнее о последних двух народностях см. статьи "Буряты" и "Киргизы" в сборнике "Формы национального движения...", С.П. 1910.

24 См., например, "Протоколы заседаний Общего съезда бурят Иркутской губернии для обсуждения вопросов, связанных с земской реформой". Иркутск, 1905 г. (изд. Иркут., Отд. И.Р. Геогр. Общества). Ср. также "Сибирск. вopr." 1905 г., № 2, стр. 171.

25 Сочинские буряты, например, исходя из общебурятского требования о предоставлении племени и общинам всех фактически обрабатываемых орудиями и скотом земель с лесами, водами и недрами и из идеи обобществления всех дел, касающихся нужд и пользы всего населения, требовали, чтобы "все продукты скотоводства, в особенности, кожа, были обрабатываемы внутри самой общины под ведением органов самоуправления" (Сиб. вopr. № 2. 1905 г., стр. 171).

26 "Протоколы", op. cit., параграф 29.

27 Заслуживает также быть отмеченной попытка объединения мусульманских народностей России на экономической почве, путем открытия банков в крупных центрах мусульманской оседлости...